

Москва, Косаговец - 7000 - 30 сентября - С - 2

Эти ямочки на щеках! Ах, эти смеющиеся глазки, от которых сохла вся мужская половина населения бывшего СССР. И даже сам Сталин поставил ее, какую-то студентку, в один ряд с народными и заслуженными артистами, наградив премией имени себя. Уже такая отметина судьбы сулила ей неординарное будущее. Во всяком случае, Вера Васильева, шагнувшая в массы с экрана картины "Сказание о земле сибирской", стала самым молодым лауреатом Сталинской премии. С тех пор никто не побил этого возрастного рекорда. С тех пор она ходит в народных любимицах. Вполне возможно, поэтому некоторые считают, что Васильевский спуск назван именно в ее честь. Сегодня у Веры Васильевой — юбилей.

СИБИРСКИЕ МОРОЗЫ ПО-ПРАЖСКИ

— Интересно, как чувствует себя человек, которому в 21 год сваливается на голову самая большая Государственная премия?
— Я чувствовала себя абсолютной Золушкой, которая с Чистых прудов, со двора, из абсолютной бедности попала во дворец. Я была студенткой третьего курса театрального училища. Как-то одевалась перед зеркалом, и ассистентки Пырьева, которые присматривали в училище кандидатов, предложили прийти на пробы. Я явилась очень нарядная, на каблучках, с закрученными волосами. Так-то я была очень скромная, но для встречи с Пырьевым я себя принарядила во все чужое — крепсащенное синее платье, кудри, а губы, нет, не накрашила... Пырьеву все это ужасно не понравилось. Он приказал: "Наденьте на нее костюм Насти". Надели, запели косички. На свой взгляд, я стала ужасно некрасивой, деревенской, но, как выяснилось, именно такая ему и была нужна. Я не помню, были пробы или нет, но, в общем, меня утвердили. Себя я успокаивала, что буду в тени Марины Ладьиной, Владимира Дружников, других звезд, и мою проходную роль не особенно заметят. И совсем не ожидала, что публика так примет меня и что премию получу — тоже.
Я пела своим голосом, а вместо Ладьиной такая оперная певица — Фирсова.
Мы пели с Володей Дружниковым. Ну конечно, я была в него влюблена. Потом мы сблизилась с ним, и у меня даже появлялись надежды,

Вера ВАСИЛЬЕВА:

"Я гуляла...
От театра
Сатиры"



ФОТО ИЛ. СЕМЕНОВА

СВЯТЫЙ

что, может быть, будет роман, но потом это все разошлось.

— Он не прав.
— Нет, почему, он прав. У него жена, как бы это сказать... она его очень спасала от алкоголя. А я бы никогда не могла справиться ни с одним человеком.
"Сибирь" мы снимали в Праге — на "Баррандов-фильме", где были все возможности делать цветное кино. А поскольку Пырьев был человеком могущественным, ему не могли отказать в съемках за границей. И я три месяца прожила в Праге. Хотя снималась всего один солнечный день.
— Что же вы делали три месяца?
— Флиртовала. Потому что те, кто бездельничал, ухаживали за молодой девушкой. Шел 47-й год. Как же нас принимали! Со слезами на глазах! С благодарностью! И больно думать о том, как все изменилось теперь. Знаменитый поэт Вячеслав Невсал, он мне показывал Прагу и на улице Стеклодубов купил мне стеклянную штучку, с которой я живу до сих пор, никуда не выбрасываю.
Помню, я шла по улице, довольно много мужчин мне что-то говорили, я хохотала... В это время меня увидел Пырьев, он очень разозлился и в ехидной манере сказал: "А, Веронька, все гуляешь? Да? Ну, гуляй-гуляй..." Я перепугалась насмерть, хотя не моя вина, что я не снималась. Зато перед отъездом в Прагу он же сказал: "Васильевой надо выделить деньги на поездку — купить пальто, платье, туфли, чтобы было в чем поехать". Настолько вид у меня был неважный. И мне справили, я до сих пор его помню, демисезонное пальто, очень приличное, и бежевые туфли... Короче, из Праги я вернулась вся преображенная, до сих пор помню все фасоны своих платьев. У меня было чемодана три — очень много получали суточных: 460 крон в день. Накупила подарков подругам, сестрам. Прага меня всю переодела, хотя я не могу сказать, что я как-то разбогатела.
А на Сталинскую премию я и не рассчитывала. Конечно, в группе говорили: "Наверное, будет Сталинская премия за фильм". Ну и кто ее получил, думала я. Конечно, Пырьев, оператор Павлов, артисты-звезды. А я что? На меня даже данные не подавали, их, собственно, никто и не спрашивал. Но потом мне передали, что когда премия была уже распределена, Сталин, посмотревший фильм, спросил: "Где нашли эту прелесть?". И мне тоже досталась премия.
Я считаю, что мне очень повезло в жизни: если бы не эта картина, наверное, иначе сложилась бы моя актерская жизнь. Ну, послала бы меня после училища в какую-нибудь Тмутаракань и жила бы там в надежде на какую-нибудь маленькую роль.

ГОЛУБАЯ ДЕВУШКА ВНЕ ЗОНЫ РИСКА

— Вера Кузьминична, вы производите впечатление женщины коммифо, то есть, что бы ни случилось, кажется, что вас ничто не может вывести из себя.
— Во всяком случае, я совсем не плачу или очень редко. Но у меня пропадает голос. Нет, не шепотом говорю, а просто хлюпаю его, кашляю. Я считаю себя ранимой, хотя никогда не ругаюсь и стараюсь быть сдержанной.
— Ваши коллеги говорят, что даже если вокруг будут стрелять, у вас все равно останется аккуратная прическа.
— Насчет головы я очень стараюсь. И если голова плохая, я очень плохо себя чувствую. Я очень завишу от того, как волосы лежат.
— А если бы вам сейчас принесли сценарий, где было бы написано, что вы должны сыграть женщину старше себя, ужасно некрасивую. Не побоялись бы?
— Если хороший режиссер, то не побоялась бы. А если плохой — испугалась бы. Испугалась бы, что не смогу пронести нутро через это уродство. Хотя, допустим, я же играла Бабу-одноглазку в спектакле "Клеменс". Я была такая страшенькая, в равной шапке и с синяком под глазом. Ничего, мне нравилось, но успеха спектакль не имел. Но с другой стороны, когда из меня хотели сделать, ну, такую немножечко Мордочку, такую бой-бабу, председателя колхоза, то всегда это кончалось неуверждением на роль: лицо терло обаяние, понимаете, я не звучала.
Хотя, если честно, на сцене и на экране боюсь быть некрасивой. Вот мы репетировали спектакль "Безумная Шайо", я там была очень страшна и как-то этого не боялась. Но меня в моем театре до такой степени жалели, говорили: "Вера, ну ты не можешь отказаться?", и на меня это подействовало. В результате под воздействием этого мнения и всеобщей жалости я отказалась. В общем, я не из смельчаков.
— Поэтому вы не водите машину?
— Да, конечно, не вожу.
— А враги у вас есть?
— Наверное, есть. Вот Андрюша Миронов, когда ставил свой последний спектакль "Тени" и дал мне роль, то сказал: "Верочка, у вас такой радужный образ, что в это мало кто верит, поэтому вы постарайтесь здесь отойти от себя и будьте самоуверенной". Когда я эту роль стала играть и жать, он сказал: "Да не старайтесь вы. Вы народная артистка, все равно будут слушать. А вы так стараетесь". Но я не могу быть другой.
— Вам не кажется, что, вполне возможно, из-за ложного страха или нежелания рисковать вы обрекали себя на роль одного ампула — голубой героини?
— Вообще-то ампула голубой героини меня

О ВЕРЕ



"Свадьба с приданным": Вера Васильева и Владимир Ушаков

я хорошо чувствую. И хотя я из простой семьи, я очень много читала театральных мемуаров и воображала себе жизнь в театре, как у Комиссаржевской, Ермоловой... все такое старинное... Детские мечты стали прорезаться в более зрелом возрасте.
Вот "Женитьба Фигаро". Когда Слава Зайцев принес костюмы, я после примерки почувствовала себя очаровательной в костюме, мне было совсем не трудно. Я играла в мягкой манере и была грустна ровно настолько, как это может быть в комедии. Если бы мне доставались такие роли, я бы играла их с удовольствием.
Если я играю французскую графиню, я начинаю думать, какие у нее должны быть бочки, кружева, панталончики и нижние чулочки. Я помню, когда мы со Славой Зайцевым мерили декольте, то Слава спрашивает: "А еще можно открыть?". А я отвечала: "Если будет чуть-чуть видна ямочка между грудью — это будет очаровательно". Ни больше ни меньше, но чтобы дойти до ямочки.
А сколько я исходила магазинов по Москве, чтобы найти грацию для "Блажи"! Нашла — тонкую, изящную и самую дорогую. Казалось бы, зачем? Но мне хочется, чтобы я ощущала себя той самой женщиной, которая любит и хочет, чтобы ее любили. Поэтому к костюму я отношусь очень серьезно.
— Но разве вам не хочется рискнуть и обмануть зрителя. В конце концов актер обязан переодеваться.
— Такая роль, как Воительница (Малый драматический театр, спектакль "Воительница". — М.Р.), именно так меня и преподнесла. Но это был режиссер Львов-Анохин, который поверил, что именно я могу эту роль сыграть. Я была счастлива. Но как-то потом такого рода ролей не появлялось. Но, кстати сказать, роли, которые я играла в последние годы, были не "голубыми", а психологически сложными — Кручинина ("Без вины виноватые"), Орловский драмтеатр. — М.Р.), Равенская ("Вишневый сад", Тверской драмтеатр).
— Но эти роли — не из "Сатиры". Я хотела спросить — вам не кажется, что вы промахнулись с театром?
— Да... Я попала, по-моему, не в тот театр. Но я не могу роптать, потому что здесь прошла моя жизнь, и достаточно хорошо. Глупо было бы сказать: "Ах, если бы я была в Малом!". А кто знает, может быть, мне там не дали бы ни одной роли. Поэтому я говорю "спасибо" этому театру, но здесь я не могла и не могу найти для себя как драматической актрисы место. Когда оно находится и роль получается удачно, я счастливо живу 4-5 лет. Потом идут долгие годы ожидания. Но я загорживаться чуждыми масками... Но я гуляла в Театра сатиры... И в Орле, и в Твери я по десять лет работала — это же настоящие глубокие романы. В этом был определенный риск: я же не была уверена, что справлюсь с классическими ролями. Это риск, но риск-мечта.

АЛМАЗЫ ДЛЯ ГЕРОИНИ

— В фильме "Бабочка-бабочка" — пожалуй, единственный такого рода опыт у вас, где вы женщина-вамп, любящая повторять: "Мужчины мне дарили алмазы"... Кстати, вам дарили алмазы?
— Нет, вы знаете, когда я вышла замуж, я, видимо, отталкивала своей добродетельностью, и у меня ни кавалеров, ни поклонников не было. До замужества — было много. А здесь все привыкли, очевидно, что я верная, любящая жена... что все это мне не нужно и я недоступна. Вот почему, казалось бы, любили-любили, даже плакали, а вышла замуж — никто не влюбляется и не рыдает. Кроме режиссеров, которые со мной работали с любовью. Естественно, это не выливается в роман, но я чувствую, что меня любят.
— Из-за того, о чем вы мне сказали, вы не ощущаете некий дефицит женского счастья?
— А вот знаете, наверное, поэтому я так люблю свои роли: они так полны то любви, то порыва... Я в этом, как мне кажется, достаточно сильно раскрываюсь. Мне грех жаловаться на свою жизнь — она достаточно благополучная, со своими трудностями, конечно. Но так как я еще живая женщина, мне, естественно, хотелось бы испытывать чувства то ли ревности, то ли безумной любви, измены или победы — то, что положено любой женщине, которая проходит иногда бурную, но свою жизнь. Бурной жизни, я считаю, не прохожу, но на сцене проживаю все свои женские чувства.
— Что вы делаете, чтобы так потрясающе выглядеть, — вам не дашь юбилейный возраст.
— Вам так кажется? Я ничего не делаю, но такой смешной ответ, может, скучный и однообразный — мои роли для меня как влюбленности. Представьте, что я в кого-то влюблена. Еще — не очень наедаюсь, не пью, не курю. Пластических операций не было, и даже массаж не делаю. Хотя теперь массаж очень хочется, хочется себя порадовать и немножечко пожить и подумать, что я вроде как женщина, о которой кто-то заботится.
— Разрешите сомнения многих людей — вы мама артиста Юрия Васильева? Почему-то все считают, что он очень на вас похож.
— Ну, это старая история — мы с Юрочкой даже свыжились с этим мнением. На самом деле я его очень люблю, но он не мой сын. И я это часто говорю, когда меня об этом спрашивают. Но постоянно, куда бы мы ни приехали на гастроли, нас приглашают на телевидение как ближайших родственников.
У нас с Владимиром Петровичем детей нет. С нами живет котик Филлимон — маленький, рыженький. На вас похож. Любим его ужасно, и он мил, но очень-очень независим. Налетев невероятный. Он привык к такой пище, которую мы с трудом достаем. Мы его кормили тем, что продается, но однажды его угостили едой, которую привезли из-за границы. Она ему ужасно понравилась, и мы вынуждены теперь просить, чтобы привозили. Нет, "Шебу" здесь не продается.
— Хотела бы я быть вашим котенком...
— Да я сама б хотела. И он, паршивец, обладает таким характером: ему дашь какую-нибудь еду, он грустно на нее посмотрит, а потом с ласками начинаешь тереться у ног. И добивается того, чтобы ему купали то, что он любит.
— Короче, у вас легко можно сидеть на шее?
— Очень. У меня характер, когда легко можно устроиться на шее.
— Вера Кузьминична, а какое платье у вас будет на юбилей?
— С одной стороны, от страха я хочу, чтобы было то, к чему я привыкла. А с другой — как человеку, любящему театральные костюмы, хочется, чтобы было что-то неожиданное и разбивало образ скромный и положительный.
— Декольте, что ли?
— Декольте не будет, потому что я не могу похвастаться, что я молодая и прекрасная. Одно платье будет светлое, а другой вариант — спокойный, черный. Но, может быть, еще будет, как сюрприз от неожиданного поклонника, что-то. Однако если я почувствую, что костюм необжитый (с платьем тоже надо переспать), то, может быть, я и не рискну надеть на себя этот сюрприз. Так что, с одной стороны, как бы я прячу голову, а с другой — высываю ее. Если у меня будет возможность, еще надену шляпку.
Почему я решила на этот юбилей? Я вообще не люблю свои праздники. Никогда ничего крупно и шумно не отмечала. Но мне показалось, что сейчас я еще играю очень хорошую роль ("Священные чудовища". — М.Р.) и, может быть, скоро ее не буду играть. И в других городах этого не буду делать. А поскольку судьба подарила мне в последние годы такой творческий взлет в других театрах, то на гребне этого хорошего можно сказать слова благодарности за пройденный этап. Дому, в котором я прожила столько лет, зрителям, которые меня любят. "Да, она была такая-то", — может, когда-то и скажут. Но я еще есть. Если, Бог даст, дожить до 80 лет, я юбилей уже не сделаю — выйти с палочкой или без палочки, чтобы люди говорили, мол, она играла то-то и то-то... Это мне кажется неинтересным.
С одной стороны — это гребець пока без пачки. С другой — мое собственное самочувствие достаточно сложное, потому что не очень знаю, что я могу дальше играть. В чем меня хотели бы видеть. И не очень верю, что с легкостью могу найти для себя здесь место. Но... надо крепко захлопнуть эту копилочку грусти и постараться прожить оставшийся период с чувством благодарности.
— У вас потрясающее имя — Вера. Оно соответствует вам?
— Очень, очень мое имя. Я верный человек.
Ах, эти ямочки на щеках. Ах, эти смеющиеся глазки... Они до сих пор принадлежат очень сильной женщине, которая за ними умеет прятать то, в чем даже самые бойкие не могут себе признаться.
— Нет, как только я надеваю старинное платье,

ЛАВ СТОРИ С ПРИДАНЫМ

не угнетало. "Это единственное, что я умею, — думала я. — Что-то спеть, где-то в кого-то влюбиться, чуть-чуть пострадать". Но с годами...
Но то ли у меня лицо такое, то ли голос такой, то ли меня все так воспринимали: "Ой, Верочка Васильева! Ой, какая милая!". И вот такой Верочкой Васильевой в лучшем случае я себя считала. Но потом я поняла, что на этом как-то застопорилась: с возрастом этих милых девочек не будет, а что же я буду делать? И в этом смысле наш театр плох: более яркие, комедийные девушки находили свое место, а я со своей лирикой и чистым голосочком оставалась в своей нише. Мне повезло, что Георгий Павлович Менглет поставил "Ложь для узкого круга" и дал мне роль отвратительной женщины. Благодаря его помощи я сыграла хорошо. И поверила немножко, что я не просто голубая девушка, а что-то могу еще.
— Вот парадокс: вы в жизни всегда улыбаетесь, а, говорят, на сцене чрезвычайно строги.
— На сцене я очень строгая. Расколы, приколы — меня это очень выбивает. Не понимаю, когда перед выходом рассказывают анекдоты. У меня к сцене, знаете, отношение такое старомодное, как в XIX веке.
— А у вас есть театральное прозвище? Наверное, нет, если вы не признаете шуток.
— Признаю, но только в жизни. А что до прозвища — вот Олечка Аросева зовет меня Кузьмой. Так и говорит: "Ну, Кузьма, ты давай чего-нибудь подбавь жизненного, а то так нельзя". Иногда Кузечкой меня зовут. Так муж называет. А я его Ушкой зову. (Фамилия супруга Ушаков. — М.Р.) Но младшее поколение в театре Верой Кузьминичной называет.
— Ну что, подбавим жизненного? То есть свадьбы, — я имею в виду другой ваш эпизодический спектакль, "Свадьба с приданным", который впоследствии стал фильмом.
— Успех у "Свадьбы с приданным" был огромный. Он прошел 900 раз. И когда мы пели песни, в зрительном зале подпевали. "На крыльцех вдвоем..." Абсолютное счастье.
— Но в отличие от сцены, где любовь двоих закаляется в битве за урожай, в жизни был любовный треугольник: актриса Васильева — режиссер Борис Равенских — актер Владимир Ушаков.
— Во время репетиций, я помню, Борис Иванович кричал на меня: "Ве-ра! Ну нельзя же быть такой во всем амнея. Она добивается. Она злитесь". Он злился, что у меня не выходит. А Владимир Петрович Ушаков, игравший Максима, вошел в уже почти готовый спектакль. Он был женат, потом они разошлись, но не я была причиной развода. Но даже будучи женатым, как он потом рассказывал, он в меня влюбился. Когда его ввели в спектакль вместо другого артиста, Леши Егоров (прекрасный, но очень пил), то всю свою влюбленность он в роль вложил. А я в это время, как вы знаете, была влюблена в другого.
— Но если режиссер влюблен в актрису, все знают — он сделает ей классную роль. Какова роль ваших взаимоотношений с режиссером Равенских в вашем успехе?
— Конечно, от режиссера все зависит. Как подать актрису — важно с первой же секунды. Вот

как он мечтал, чтобы я вышла на сцену: белый полубочек, беленькие валенки, креммовый платочек, подошла к пючке! Или — вышла в розовом платье, скромная, с платочком. И мать спрашивает: "Согласна ли ты, Ольга?". И она говорит: "Я согласна". Сама скромность. А там, где я борюсь за урожай, — сапоги, кожаная куртка, красная кофточка. Абсолютное счастье.
— Что же вы от такого счастья ушли?
— А он был женат. Не жаль. Вы знаете, мне очень нравилась его жена — знаменитая актриса Лилия Гриценко, которая так трагично в одиночестве умерла. Мы не были знакомы близко, но я понимала ее значение.
Если бы он захотел, я, наверное, была бы его женой. Но так сложилась жизнь, что потом он ушел в другой театр, у него были другие интересы. И, как вы правильно сказали, когда что-то ставишь, то обязательно влюбляешься... Поэтому мы расстались.
А Владимир Петрович добивался меня своей любовью и нежностью. Между соперниками обошлось без драк. К сожалению. Наши отношения длились года два, что не так уж мало по нашей жизни. Я чувствовала: он хочет, чтобы я была его женой, что он полон нежности, бережности ко мне. Я это ценила. Первые годы мой муж относился ко мне с невероятной нежностью, оберегал от домашнего хозяйства. Даже когда я жила в общежитии, он нажимал мне домработницу, чтобы я не готовила. Это было очень смешно, потому что она всех раздражала — грязная, а не порядком наводила. Татьяна Ивановна Пельтцер после этого обычно кричала: "Вера, иди убирай за своей прислугой". Ну а потом... С годами все отношения становятся не такими сладкими, нежными. Я к нему бережно относилась. Но... В театре, конечно, все эмоциональнее.
Никуда от своей биографии не денешься. Когда сейчас переиздали мою книгу, мой муж сказал: "Я не буду ее читать, ты там опять пишешь про Бориса Ивановича (Борис Равенских. — М.Р.)"
— Он до сих пор ревнует?
— А в какой-то степени считает, что я вышла за него замуж не по любви. Нет, не по расчету, а потому, что я не могла жить. Я очень любила Бориса Ивановича. Я знаю, что, если бы его со слезы, я поехала бы за ним. Но знаю и то, что если бы была его женой, то я, наверное, тоже бы погибла: когда он ставил, он всегда влюблялся. Пока он меня любил, я была спокойна, а когда ушел в другой театр, я почувствовала — что-то не так, и не знала, как мне жить. Это было 45 лет назад, но эти воспоминания долго были болезненными, и Володя прикладывал много усилий, чтобы я адаптировалась. В общем, я и адаптировалась.

ГРАФСКИЕ ШТУЧКИ

Мы расстались ведь не потому, что все стало плохо, а как раз на гребне наших отношений. И для него было полной неожиданностью, что я вышла замуж. Такой удар кинжалом получил.
— А вы коварная.
— Кто ж из женщин не коварный?
— Заметьте, от голубых, простых девушек вы как-то лихо перешли к особым голубым кровей — графиням, королевам... Вам, девушке простого происхождения, сложно это было играть?
— Нет, как только я надеваю старинное платье,